

**«ТЕ, КТО ПРИНЯЛИ СМЕРТНЫЙ БОЙ...»
(РЕКОНСТРУКЦИЯ БИОГРАФИЙ ДВОРЯН – УЧАСТНИКОВ
СМОЛЕНСКОЙ ОБОРОНЫ 1609-1611 ГОДОВ)**

*аспирант Молочников А.М.
(Институт истории РАН, г. Санкт-Петербург)*

Об участниках смоленской обороны 1609-11 годов можно сказать другими строками из знаменитой песни: «От героев былых времен, не осталось порой имён...» И действительно: много ли славных людей, которые 20 месяцев охраняли русский рубеж от нашествия и Российское царство – от конечного покорения иноземцами? Известно имя воеводы Михаила Борисовича Шеина, патриарха Сергия, кто-то вспомнит второго воеводу князя Петра Ивановича Горчакова. А что же остальные? Неужели наши источники настолько скудны, что мы не можем восстановить хоть и краткие, но яркие биографии доблестных воинов?

Внимательное знакомство с источниками по истории смоленской обороны показывает, что всё не так печально. Восстановление сведений об участниках обороны 1609-11 годов – проект вполне осуществимый. В будущем возможно создание полной электронной базы данных смолян-героев Смутного времени, а также составление полноценного синодика (поскольку все известные участники обороны были православными). Но для начала необходимо проделать серьёзную исследовательскую работу.

Настоящая статья посвящена смоленским дворянам, поскольку именно о дворянах сохранились самые полные сведения. Численность дворян в обороне была небольшой (равно как и численность стрельцов). Исследователи не раз отмечали этот факт [2: 100, 168]. Вторжение королевской рати Речи Посполитой в Россию оказалось неожиданным, и за полгода до начала осады воевода Шеин отправил значительный дворянско-стрелецкий отряд на подмогу князю Скопину-Шуйскому [1: 289-290].

По десятне 1605/06 года в смоленском служилом городе числилось около 1100 дворян и детей боярских (без отставников) [1: 393]. Обычная походная численность составляла около 650 дворян [6: 65-66]. Кроме того, какая-то часть смолян сидела в осаде с царем Василием Шуйским. В обороне в лучшем случае оставалось 250-300 дворян из Смоленска, примерно столько же – из Брянска, Серпейска, Мещовска и Рославля, а также 130 вязмичей и дорогобужан [9]. Основную численность гарнизона составляли посадские люди. Однако роль дворян, как профессиональных воинов, оставалась значительной.

В числе источников о судьбе дворян-участников обороны 1609-11 годов следует назвать «Оладьинский» список пленных [8]. Денис Оладьин был первым послан в Речь Посполитую после освобождения Москвы. Он был отправлен в Польшу от Земского собора 10 марта 1613 года, вскоре после избрания Михаила Романова на русский престол, но до его коронации [8]. С собой у него были грамоты с предложением перемирия, а также два списка пленными россиянами. Первый список составили на Земском соборе: в нем были перечислены участники Великого посольства во главе с отцом нового царя, патриархом

Филаретом; здесь же были названы воевода Шеин и архиепископ Сергей (второй воевода Горчаков ещё раньше сумел освободиться из неволи и вернуться на Родину) [8: 409].

Второй Оладьинский список для розыска пленных был составлен теми самыми смоленскими дворянами из ополчения Скопина-Шуйского, которые сами в обороне не участвовали. Они надеялись найти и выкупить своих родственников. Всего в Оладьинском списке 526 пленными смолян, значительную часть которых составляют женщины и дети.

В том числе, большая часть мужских имен принадлежит мальчикам. Имя отца у несовершеннолетних дворян писалось в начале (например: «Богданов сын Шестакова Кузьма» [8: 371]). В других случаях дворяне-мальчики упомянуты при матери (например: «Степанова жена Аксенова Марфа с сыном с Матвеем» [8: 372]), что было невозможно для взрослых дворян. Всего взрослых мужских имен в Оладьинском списке около 100, но нужно учитывать, что этот список имел предварительный, сыскной характер.

В 1613 году у смоленских дворян в Москве ещё не было полной информации о всех увезенных в плен и выживших после штурма 13 (3 ст. ст.) июня 1611 года. Поэтому если имя дворянина есть в списке Оладьина, это вовсе не значит, что он оказался пленником, а не погиб в последний день обороны.

О тех, кто пал в бою до решительного штурма у составителей списка было больше сведений. В числе пленниц названы вдовы: Григория Кокошкина вдова Ульяна и вдова Кречета Микулина Варвара [8: 377]. Мужья этих несчастных невольниц до своей гибели сыграли заметную роль в обороне 1609-11 годов. Григорий Федорович Большой Кокошкин был назначен воеводой в остроге – внешнем деревянном укреплении [9: 151-158]. Дело в том, что М.Б. Шеин имел надежду оборонять не только каменный город, но и посад. Появление польского отряда изменило его планы – войско завоевателей было слишком многочисленным, и нельзя было рассчитывать оборонять деревянные стены и не потерять напрасно людей. Смоляне сожгли острог и заперлись в крепости [11].

Кречет Микулин был 28 августа 1609 года назначен головой на Авраамиевские ворота [1: 308]. Именно к этим воротам ходил драгунский отряд во главе с мальтийским кавалером Новодворским и минером Шембеком, во время первого приступа поляков в ночь с 4 на 5 ноября (24-25 сентября ст. ст.) 1609 года [11: 450-451]. Этот неудачный для неприятелей приступ подробно описан исследователями, однако имя Кречета Микулина до сих пор оставалось в забвении.

О гибели дворян-участников обороны можно узнать из родословных росписей конца XVII века. Эти росписи составлялись самими дворянами на основе семейных архивов. В них отражались не только родственные связи их предков, но и самые значительные службы за предыдущие столетия, в основном за XVI-XVII века. В том числе, в родословиях встречаются упоминания о гибели во время обороны Смоленска («убит от польских людей в Смоленску, как взял польский король Смоленск»). Например, в знаменитом смоленском роду Философовых погибли двое: Максим Федорович, по прозвищу Замятня и его племянник Афанасий Иванович [16]. Младший брат Афанасия, Иван Ива-

нович Философов, в обороне не участвовал, но был в ополчении Минина и Пожарского. После освобождения Москвы он попал в плен к полякам (в декабре 1612 года) и сумел убедить самого короля Сигизмунда, что в столице стоит большое войско (в действительности ополчение было распушено по домам) [17: 2-4]. Этот подвиг спас россиян от новых тяжелых столкновений с польским войском и прославил фамилию Филосрфовых.

Другой важный источник о судьбах участников смоленской обороны – показания выходцев из польско-литовского плена, которые были записаны в Патриаршем дворцовом приказе в 1623-24 году [13]. В силу специфики этого ведомства бывших пленников допрашивали только о смене вероисповедания. Однако из этих показаний можно заключить, что большинство пленников жили в качестве домашних слуг – как у панов, так и у простых солдат-жолнеров – в разных уездах Речи Посполитой. В литературе часто можно встретить утверждение об особой религиозной терпимости в землях Польши и Литвы. Однако бывшие пленники зачастую были вынуждены отказаться от веры и исполнять католические и протестантские обряды, смотря по тому, какой веры придерживались их новые хозяева.

Так, 11 сентября 1623 года брянчанин Федор Потресов сказал на Патриаршем Дворе: «Взяли его в смоленское взятие и свезли в Польшу в Познань. Служил он у пана Черновского веру держал папешскую: у ксендза на исповеди был и секрамент брал. Вышел в 1620-21 году в Брянск. Вместе с другими выходцами Потресов провел время под началом в монастыре, после чего был исповедован и помазан миром 12 октября» [13:598]. А 12 ноября того же года допросили новую партию бывших пленников. Среди них были смоляне Михаил Тимофеевич Дернов и Дмитрий Калинин сын Самарин. Дернова взяли в смоленском уезде «тому 14 лет» (то есть в 1609 году) и свезли в виленский повет, где он «служил у Лютыря и держал веру люторскую» [13: 610]. Самарина после взятия Смоленска свезли в Вильну, и он «служил у жолнера восьм лет и держал папешскую веру, выехал четвертый год» [13: 612].

В настоящее время удалось восстановить несколько биографий дворян-участников Смоленской обороны. В первую очередь хотелось бы рассказать о ближайших помощниках воеводы Шеина, начальниках дворянского и стрелецкого войска.

Смоленскими дворянскими сотнями во время обороны 1609-11 годов командовал человек с красивым именем Воин Дивов (его отца звали Фауст по прозвищу Зык). В родословной росписи Дивовых сохранилась его подробная биография.

Службу свою он начал при царе Иване Грозном, во время Ливонского похода 1577-78 года, а Смуту встретил выборным дворянином [4: 176]. Под руководством Дивова смоляне победили в первой схватке с отрядами казаков – сторонников самозванца: «А как пришли из Ярославля воры на смоленские места, и боярин князь Иван Семенович Куракин послал Воина Дивова да с ним дворян и детей боярских да сотника стрелецкаго Василея Полтева с стрельцами, и на Лучась на реке воров побил» [4: 176]. Из-за ошибки переписчика Ро-

славль назван Ярославлем, а сама битва произошла на реке Лучесе, у перекрестка смоленской, рославльской и дорогобужской дороги.

Родословная биография говорит, что Воин Дивов командовал дворянским отрядом во время похода смоленской рати для разгрома осадивших Москву казаков Болотникова в 1606 году. Скорее всего, Воин Дивов был вторым воеводой у смолян, поскольку первым начальником летописи и разрядные книги называют Григория Полтева [7: 332]. После разгрома Болотниковцев под Москвой, Григорий Полтев стал думным дворянином, а стрелецкий голова Петр Чихачев – дворянином московским. Воин Дивов остался первым головой смоленского отряда, и во время осады остатков отряда Болотникова в Туле служил в государевом полку. Особенно отличился Воин Дивов во время битвы на реке Вырке под Калугой в феврале 1607 года. В тот день воевода Иван Романов «послал Воина Дивова перед собою с сотнею на воров, и воров побил наголову, и воевод их поймали, и тут Воина Дивова ранили: пробил руку на обе стороны. И государь Воина Дивова пожаловал за многая службы по московскому списку и велел ему ходить в переднюю, свои государския очи видеть» [4: 177]. Простреленная рука в то время было серьезным ранением. Служба «по московскому списку» могла бы стать достойным завершением карьеры, но Воин не пожелал расстаться со смоленским дворянским отрядом, в котором он к тому времени стал авторитетным лидером. В августе 1608 Воин вместе с дворянином Борисом Собакиным возглавил небольшое войско, которое должно было проводить Марину Мнишек, жену первого самозванца, за рубеж. Но неподалеку от границы, около Белой, на их отряд напали сторонники нового самозванца, Лжедмитрия II. Они увезли свою «царицу» к «законному супругу» в тушинский лагерь под Москвой [1: 124-125]. В сентябре 1608 года отряд смолян под руководством Воина Дивова отвоевал у поляков Дорогобуж [9: 29]. После этого руководство смоленскими отрядами перешло к воеводам из Москвы: Семену Одаурову и князю Якову Барятинскому. Они возглавили смоленское войско в походе Скопина-Шуйского. А Воин Дивов остался в Смоленске с немногими дворянами и стал ближайшим помощником Шеина в обороне.

В его родословной биографии можно прочесть: «А как сидели с Смоленске в осаде, сидел боярин Михайло Борисович Шеин и Воин Дивов с ним же сидел, и Воину Дивову было приказано треть города Смоленска, над дворяны и детьми боярскими и над всеми ратными осадными людьми смотреть» [4: 177].

Третью города Воин Дивов руководил, как глава смоленской дворянской корпорации. Всего же в Смоленске было три дворянских корпорации: смоленская, брянско-серпейская и вяземско-дорогобужская [9]. Воин Дивов неизменно возглавляет списки дворян-участников обороны [9]. С него же начинается Оладынский список пленных – 13 (3 ст. ст.) июня 1611 года он был вместе с Шеином захвачен поляками и увезен в Речь Посполитую [8: 370].

Размен пленными произошел только в 1619 году, но некоторые смоляне смогли вернуться на Родину раньше. И Воин Дивов уже в 1616 году был записан в гарнизон для обороны Москвы. Вместе с Иваном Одауровым он руководил стрельцами и тяглыми новгородцами на Трубе [5: 203]. После Смуты Воин

Дивов стал помещиком северного Вологодского уезда и там провел остаток дней.

Смоленскими стрельцами в 1609-11 годах командовал другой выборный дворянин, Василий Григорьевич Чихачев. Стрельцы его приказа упоминаются в различных документах, в том числе в четырех поручных записях по стрельцам-новобранцам. В этих записях за ноябрь 1610 года читаем: «...все мы, поручики, стрельцы Василева приказа Григорьявича Чихачева, поручились есми государеву цареву и великого князя Василия Ивановича всия Руси сыну боярскому сотнику стрелецкому Осипу Миткову, по новоприборном стрельце того же приказу» [9: 138]. То есть, смоляне продолжали сохранять верность свергнутому царю Василию, только бы не целовать крест польскому королевичу Владиславу или Лжедмитрию II.

В декабре 1610 формуляр поручной записи изменяется: «...поручились есми все мы, стрельцы Василева приказу Григорьявича Чихачева, московского государства боярам и всей земли сыну боярскому сотнику стрелецкому Осипу Миткову, того ж приказу по новоприборных стрельцах ...» [9: 136]. Эта формулировка означала, что смоляне признают власть думных бояр, если те опираются на земский собор. В результате смоляне до самого конца даже для вида не целовали крест никому из незаконных претендентов на русский престол и подчинялись только общерусскому земскому делу.

О самом стрелецком голове Чихачеве известно немного. Он негромко исполнял свое дело руководства стрелецкими караулами на стенах крепости, а 3 (13) июня 1611 года проявил себя достойно, бился не щадя живота своего и попал в плен с тяжелыми ранениями. На Родину он вернулся только в 1619 году вместе с Филаретом, Шеиным и другими русскими пленниками. Ему дали поместье вместе с другими смоленскими дворянами в Касимовском уезде.

В 1621 году, во время общерусского смотра, перед воеводами предстал увечный в боях воин, который, однако, готов был продолжать службу хотя бы в пешем строю. Окладчики про него сказали: «Наперед сего на службе бывал на коне с пищалью, с саблею, да конь простой, а с простым конем человек на коне ж с пищалью, с саблею. Да у него ж сын Иван верстан ныне в одвод, а Василей стар и от ран увечен – без руки, и болен нутреною болезнью – черева выплывают. И ему де за старостью и за болезнью полковые и ближние службы служить не мочно, а мочно-де ему служить московская или городовая служба, а с его поместья служить за него сыну ево Ивану, покаместа велит ево государь испоместить. А ныне на службе будет и то писано в новичном списке под ево статьею. Да у него ж другой сын – недоросль Измайло двунатцати лет, а как в службу поспеет и ему служить с отцова поместья с братом вместе. А сам Василей у разбору бил челом государю, чтоб ево государь пожаловал за старость и за увечье велел (от) службы отставить, а в его место с ево поместья велел служить сыну ево, Ивану, покаместа велит государь сына его Ивана испоместить. А он с того своего поместья учнёт служить московскую или городовую службу где государь укажет» [12]. Про его сына Ивана окладчики сказали: «в полону был с отцом вместе» [12]. О его службе в стрелецких головах и об участии в героической обороне на смотре не было сказано ни слова. Одно-рукому воину оставалось поддерживать честь рода на государевой службе.

Вместо себя он выставлял двоих сыновей в конный строй. Сам же бывший стрелецкий голова собирался дослуживать годы простым пехотинцем в одной их пограничных крепостей.

Воин Дивов и Василий Чихачев – примеры безупречной и самоотверженной службы руководителей смоленской обороны.

Однако наше исследование затрагивает и судьбы простых дворянских семей, которым пришлось вынести все тяготы осадного сидения. В качестве примера приведем семью Афанасия Логиновича Вараксина, автора «Повести о победах Московского государства» [10]. Афанасий Логинович много пережил в годы Смуты, дважды бывал в плену и преждевременно скончался от ран, но перед смертью сумел оставить потомкам свое произведение о Смуте, полное незамысловатого почтения к «праведным государям», и любви к России и малой Родине – Смоленску [14]. В начале Смуты Афанасий был молодым человеком. Его старший брат Василий и он сам были женаты, а младшие братья, Александр и Тимофей так и не успели обзавестись семьями из-за Смуты [15]. Все четверо братьев и старший сын Василия Матвей были участниками похода Скопина-Шуйского 1609-10 года. В осажденном Смоленске оставались жена Василия Дарья и жена Афанасия Пелагея [9: 243]. О судьбе жены Афанасия и о его детях в Смоленской обороне у нас нет сведений. В Оладьинском списке упомянута только семья его старшего брата: «Васильева жена Вараксева Дарья детьми с сыном Вавилом, да Тимофеем, да з двумя дочерьми с Натальею да с Анною» [8: 372]. Участь Дарьи и племянниц Афанасия также не известна. А вот у его племянников, сыновей Василия, Данилы и Тимофея, судьбы сложились по-разному. Данила хоть и попал в список пленных, но потом стало известно, что он погиб во время последнего штурма. И хотя он не достиг зрелых лет, но родословие Вараксиных бережно сохранило о нем память: «у Василья Логиновича дети Матфей, да Данило, убит в Смоленское взятие, да Тимофей» [15]. Его меньшей брат Тимофей 12 лет провел в плену и был принужден сменить веру. На допросе на патриаршем дворе в ноябре 1623 года Тимофей сказал: «взяли де его литовские люди в Смоленское взятие и отвезли в Польшу в Езуполь и жил-де он все у жолнёра у Тхоровского, у ксенджа был и секрамент трижды принимал и веру держал папешскую. Вышел на Великие Луки в нынешнем во 132 году перед Рождеством Христовым (т.е. в декабре 1623 года)» [11]. Он пробыл шесть недель под началом в монастыре, после чего вместе с другими выходцами был исповедан и помазан миром 22 марта 1624 года. Тимофей, видимо, попал в плен в детском возрасте, а его старший брат, как и многие смоляне, и дворяне, и посадские люди предпочли погибнуть, но не терпеть унижения плена и не принимать чужой веры. Их судьбы являют собой ценный пример для потомков.

Собирать по крупицам биографии смолян – важная исследовательская задача, которая выходит далеко за рамки моего доклада и которая в будущем должна привести к достойному увековечиванию памяти Героев.

Список использованных источников:

1. Акты Исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. – СПб. 1841. – Т. II.
2. Александров С.В. Смоленская осада 1609–1611 гг. – М., 2011.
3. Белокуров С. Разрядные записи за Смутное время. М. 1907.
4. Из родословной Дивовых. Известия «статейного списка» по истории земских соборов и Смуты конца XVI – начала XVII вв. // Исторический архив, № 6. 1994.
5. Книги Разрядные по официальным оных спискам. Том 1. СПб. 1851.
6. Новые материалы по истории восстания И. И. Болотникова, II: Челобитные смоленского помещика – участника похода против Болотникова // Исторический архив, Том VIII. М.-Л. 1953.
7. Новый летописец//Полное собрание русских летописей. Т. 14. М. 2000.
8. Памятники дипломатических сношений Московского государства с польско-литовским государством. Том V. 1609-1615 гг.//Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 142. М. 1913.
9. Памятники обороны Смоленска. Под ред. Ю.В. Готье. М. 1912.
10. Повесть о победах Московского государства. Публ. Г.П. Енина в серии «Литературные памятники». М. 1982.
11. Поход его королевского величества в Москву [Россию] 1609 года // Русская историческая библиотека. Т. 1. СПб. 1872.
12. Разборная десятня разных городов, смолян, дорогобужан, дмитровцев и вязмичей 1621 года (РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 1. № 18. Л.4 об.–л.5 об).
13. Расспросные речи иноземцев и русских, возвратившихся из плена, присланных из Разряда в Патриарший дворцовый приказ для допросов//РИБ. Т. II.
14. РГАДА. Ф. 210. Столбцы приказного стола № 60. л. 502.
15. РГАДА. Ф. 210. Родословные росписи поданные в палату Родословных дел по случаю отмены местничества. Часть 2. № 40.
16. СПб ИИ РАН Ф.131. оп. 1. № 106. Л. 68.
17. Сташевский Е. Очерки по истории царствования Михаила Фёдоровича. Киев. 1913.